

КОНТЕКСТ

*литературно-
теоретические
исследования*

2013

ИМЛИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

КОНТЕКСТ

Ежегодник теории
и истории литературы
2013

Москва
ИМЛИ РАН
2013

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ИЗМАЙЛОВ (по архивным материалам)

Имя Александра Алексеевича Измайлова, которое в начале XX века хорошо знали «почти все пишущие, живущие в Петрограде <...> и обширные читательские круги»¹, сейчас известно, пожалуй, лишь историкам литературы. А между тем, он был активным участником литературной жизни 1890–1910-х годов, времени, когда происходило переосмысление и крушение прежних ценностных установок, когда одни литературные направления сменялись другими, времени неопределенного и насыщенного всевозможными событиями. В своих фельетонах он отзывался на все, что происходило в русской литературе, не пропуская буквально ни одного нового имени, ни одного хоть немного значимого события.

Александр Алексеевич Измайлов родился в Петербурге 26 августа 1873 года. О своих первых годах жизни он напишет в автобиографии в 1904 году так: «<...>Сын дьякона смоленской кладбищенской церкви. Род по отцу коренной духовный, по матери — купеческий. Детство провел в тяжелых материальных условиях, лишившись отца по четвертому году и оставшись четвертым у матери. В раннем детстве и отрочестве вкусил самой настоящей нужды. С 12-ти лет, поэтому уже научился зарабатывать хлеб “уроками” с товарищами.

С внешней стороны детство прошло под впечатлением тех традиционных картинок городского, усиленно действующего кладбища, какие Помяловский называл “веселенькими пейзажами”. Самые ранние впечатления слагали картины похорон, церковных служб, военных проводов. Соответственно были окрашены и первые игры, которые удивили бы ребенка, воспитавшегося не в непосредственном соприкосновении и близости духовному сословию, церкви, кладбищу и <...> его своеобразным типам. В психологическом отношении такие впечатления не облекли, однако, детства мрачным колоритом. Оно не было лишено всех развлечений и “веселостей”, свойственных этому возрасту, и прошло не в одиночестве, но в шумном и живом кружке обильной детворы городского уголка, пользовавшегося, за удаленностью от столичных центров, многими преимуществами почти провинциального уклада»².

Как следует из автобиографии, детство будущего литератора проходило в сложных материальных условиях. Однако, несмотря на все эти трудности, мать постаралась сделать все возможное для развития сына. В семье воспитывалась любовь к грамоте и книгам, уважение к писательству. Он быстро освоил грамоту и очень скоро пристрастился к чтению сначала имевшихся в доме хрестоматий, а затем мелких брошюрок-сказок. Детские впечатления, фантазии, кладбищенские анекдоты выливаются в первую пробу пера, правда, все эти детские начинания не сохранились, а остались только в виде воспоминаний. «Едва ли не первым рассказом был сфантазированный рассказ, под влиянием Гоголя, о чиновнике типа Акакия Акакиевича и его драме из-за того, что в ответственной бумаге он не поставил шляпки над буквой “П”»³.

В семилетнем возрасте Измайлов был принят в городскую школу, через три года поступил в петербургское духовное училище. Именно в училище появляется страстное влечение к литературе, которое подвигло к первым журналистским опытам. Группа семинаристов захотела издавать рукописный журнал, в котором Измайлов принял самое деятельное участие, однако эти намерения потерпели неудачу. Впоследствии он это объяснит следующим образом: «Опасения строгого начальства, — от которого приходилось прятать даже “Некуда” Лескова, под риском потерять книгу, — и, с другой стороны, внутренний раскол в среде сотрудников, в виду немедленно же возникшей на страницах “Листка” полемики — оборвали предприятие на втором номере.

Но с этим не уничтожилась связь между товарищеским кружком, тяготевшим, вопреки внешнему, начальственному давлению, к светской литературе. По-прежнему сохранялся в нем обмен книгой, поддерживалась общность идеалов. Добывались книжки новых журналов и старого “Современника” и с интересом поглатывались. Вспоминается период настоящей влюбленности в Добролюбова в пятом классе. Как ни охранялось благонравие воспитанников устранением “неназидательной” книги, удавалось, однако, прочесть и Писарева, и “Шаг за шагом” и иное. Классики, включительно до Толстого и Достоевского, конечно, подлежали гласной выдаче из библиотеки. “Крейцерову сонату”, тогда запрещенную, семинаристам удалось прочесть в самые первые дни ее появления⁴. Строй и нравы бурсы при Измайлове были, конечно, уже не те, что описаны Н.Г. Помяловским в «Очерках бурсы», однако в воспоминаниях Измайлова присутствуют страницы, свидетельствующие о «жестокости нравов», и о «варфоломеевских ночах» — ночное избиение учеников «по алфавиту», о «закаливании» воспитанников побоями и т. д. (впоследствии все эти впечатления найдут отражение в первой книге рассказов «В бурсе»). Спустя 16 лет, в дни столетия

Санкт-Петербургской духовной семинарии в 1909 году, Измайлов, тем не менее, с благодарностью и примирением в душе будет вспоминать бурсацкую жизнь. «Вспоминаю всех и всё, живых и мертвых, лучи и тени, — одно благодарно, другое примиренно. Много в этой школе было терпкого, но эта школа, а не кто другой закалил наши умы и волю, дала нам веру, с которою легче жить, научила нас думать, писать, чувствовать прелесть чистого русского слова. А не правда ли, этого слишком много для нашего века, который так плохо умеет думать, так мало верит, так лениво работает и так неразборчиво сменяет жаргоном прекрасное родное слово...»⁵.

Семинарские годы сменились годами обучения в Петербургской духовной академии, куда он в 1893 году, будучи первым студентом курсового списка, был сначала «представлен», после — выдержал экзамен и был принят стипендиатом. А в 1897 году он окончил здесь курс, и после защиты выпускного сочинения о нравах Антиохии и Константинополя в IV веке, в эпоху Златоуста, был удостоен степени кандидата-магистра богословия⁶. Наибольшее влияние на студенчество в семинарии оказывали М.И. Каринский, В.И. Ламанский, В.В. Болотов и Н.Н. Глубоковский, о лекциях которых, будучи уже критиком, Измайлов не раз будет с благодарностью вспоминать в своих статьях, в частности в статье «Жрецы богословия. (К столетию Петербургской духовной академии)»: «А давно ли еще мы, вошедшие студентами под своды этого стильного Александровской поры здания, фронтон которого увенчан статуей Разума, склонившегося перед Верой, — слушали в этих стенах расколовца Нильского, который, может быть, не так шумел, как неистовый бунтарь Щапов, но — как теперь доказала история, — конечно, вернее его понимал душу раскола, философа Каринского, в ту пору лучшего у нас кантианца, историка Василия Болотова, которого уже при жизни знали за границей, теоретика литературы и русского языка Владимира Ламанского, историка Кояловича, грека Левятина, знатока иностранных вероисповеданий Троицкого»⁷.

В этой же статье Измайлов много пишет и о нравах академии, которые, безусловно, повлияли на развитие его личности.

«Инструкция студентам была уморительна по своей строгости. Мы читали ее с хохотом, потому что там чуть ли не значилось, что желающий выйти из студии в сад должен спроситься у инспектора.

И высшее начальство, и инспектор настолько явно чувствовали нелепость этой устарелой инструкции, составленной, вероятно, в дни молодости Сперанского, — что инструкция была сама по себе, а жизнь наша шла сама по себе.

Пишущему эти строки посчастливилось провести свои академические годы в инспекторство не монаха. Светский и семейный человек, выдающийся археолог Н.В. Покровский был джентльменом в этой должности, в которой большинству так трудно сохранить даже основное благородство и хотя бы внешнюю порядочность. Мы, студенты, могли спокойно работать, кто над чем хотел, свободно строя свое мировоззрение, не выслуживаясь ни перед кем аккуратным посещением лекций, если лекции того не стоили. О шпионстве, наушничестве, этой гангрене некоторых семинарий, а иногда и академий, мы не имели ни малейшего понятия, и, встречаясь с инспектором, прямо смотрели глазами в его глаза. <...> О, экзамены не были формой или видимостью. Некоторые профессора не только резали слабых, но издевались над ними. Невоздержанного, болезненного и злого Тимофея Барсова, небезызвестного в исторической науке, не любили одинаково все. Болотова на экзаменах трепетали, — <...> но его и любили, как истинный символ богословской пылкости и знания, как человека, возложившего себя целиком на жертвенник науки»⁸.

К обучению Измайлов относился, по его же собственным воспоминаниям, более *ex officio*, хоть он и был на всем протяжении курса в числе лучших студентов и закончил шестым из семидесяти. Большое влияние на Измайлова за годы, проведенные в стенах академии, оказали семестровые сочинения, требовавшие строгого к ним отношения, и непрерывно сменявшие одно другое. Годы учебы давали большой простор возможности самообразования, и время студенчества являлось одним из самых светлых периодов жизни Измайлова⁹. Именно в академии произойдет событие, которое определит его будущую судьбу. В своем интимном дневнике¹⁰, отдельные строки из которого сохранил брат литератора, Измайлов вспоминал: «<...>Экзамен догматического богословия был моим триумфом. Начитанному в биографиях старых иерархов теперь мне кажется, что случись это в былое время на этого выдающегося юношу упало митрополичье внимание с тем, чтобы его уже не затерять, проследить и пленить для церкви. Палладий (тогдашний митрополит) о юноше не вспомнил. От прямого служения церкви юноша ушел “во страну далече”, всегда, однако, чувствую <...> странное влечение к знаниям юности». И далее: «Я думаю, что только случайность оттянула меня от этого поприща (учителя или профессора), для которого я гораздо более создан, чем для карьеры газетчика, где для успеха иногда нужны недобросовестность, верхоглядство, задор и натасканность на злобу»¹¹.

К литературной работе, совмещая ее с учебой, а впоследствии и с педагогической деятельностью¹², Измайлов приступил в

1895 году. Именно в это время появляются его ранние беллетристические опыты, подписанные псевдонимом Смоленский. По всей видимости, его дебютным выступлением стал рассказ «Детство Кузьки. (Первые страницы из книги жизни Кузьмы Популяндова)»¹³. Беллетристические опыты не остались незамеченными и Измайлов, будучи еще студентом второго курса, получил предложение от А.К. Шеллера (известный в конце XIX века беллетрист, редактор «Живописного Обозрения», а с 1893 года — и газеты «Сын Отечества»), который пригласил молодого беллетриста к сотрудничеству в редактируемых им изданиях. Именно Шеллером были одобрены и напечатаны рассказы из духовного быта «Ионино счастье», «Вольтерьянская мысль», «Славельщики», «Непредвиденный пункт», «Златые уста», повесть «На пороге жизни». С этого времени начинается активное участие Измайлова в таких изданиях, как «Сын Отечества», «Новости», «Русское слово», «Север», «Звезда», «Театр и искусство», «Наука и жизнь» и др.

За шесть лет выходят десятки рассказов Измайлова, которые, начиная с 1901 года, оформляются им в сборники и выходят отдельными изданиями¹⁴. Первые сборники посвящены по преимуществу жизни русского духовенства. Герои рассказов Измайлова — это представители сельского притча, плутоватые дьячки, батюшки, взволнованные приездом губернатора, послушники, странствующие весь век по монастырям. Молодой автор проявил себя как художник, не понаслышке знающий ту среду, о которой он пишет. Большинство рассказов, небольших по объему, рисуют задушевные картины жизни духовенства со всеми ее заботами и волнениями, радостями и скорбями; ее недостатки изображены так, что видна любовь автора к ближним и, в частности, к сельскому духовенству.

Первые опыты начинающего беллетриста вскоре были отмечены критикой. Особенно много рецензий появилось в 1903 году в связи с переизданием первой книги рассказов «Черный ворон» и двух следующих сборников. Большинство откликов были в целом доброжелательны. Рецензенты отметили Измайлова как продолжателя дела Лескова, Помяловского и Потапенко¹⁵. В критических отзывах отмечались явные недостатки беллетристики Измайлова, указывающие на отсутствие эпизодических и художественных элементов¹⁶, глубины захвата, ярких и памятных красок, некоторая поверхностность, отсутствие психологической сложности¹⁷.

И хотя беллетристические сборники не принесли Измайлову успеха, художественное творчество он практически не оставлял всю жизнь¹⁸. Правда после 1910-х годов прозу и стихи он писал гораздо реже, чем в начале 1900-х. После сборника «В бурсе»

в 1905 Измайлов выпускает «Осени мертвой цветы запоздалые» и сборник стихотворений, затем роман «Ураган» (1909), еще один сборник рассказов выходит в 1912 году. Напишет Измайлов несколько пьес¹⁹ и сенок²⁰, которые будут идти на театральных подмостках как Петербурга, так и Москвы, но и драматические произведения не получат широкого распространения.

С началом беллетристической карьеры начинается и журналистская карьера Измайлова. В 1898 году по предложению И.И. Ясинского он был введен в состав редакции «Биржевых ведомостей», где проработал многие годы. По первым годам работы Измайлова чувствуется, с какою жадностью он взялся за дело газетчика, что, вероятно, было обусловлено скудостью денежных средств (уже говорилось, отец Измайлова умер, когда будущему критику было всего 4 года, при этом он был четвертым в семье ребенком²¹). Первые его газетные опыты — это статьи на социальные темы²². Он постоянно ведет рубрику «Что думают и делают в провинции»²³ — свидетельство непреходящего интереса к российской глубинке. В 1903 году он, как корреспондент «Биржевых ведомостей», будет освещать событие, взбудоражившее общественное сознание — открытие мошей Серафима Саровского²⁴. Это событие было интересно Измайлову как человеку верующему и получившему богословское образование и все темы, так или иначе связанные с церковью, предлагалось освещать именно ему, тем более что критику это было самому интересно, что чувствуется по написанным материалам. В 1906–1907 году Измайлов подробно освещает события, связанные со священником Григорием Петровым, сосланным по определению «во исполнение указа С<анкт>-Петербургской Духовной Консистории»²⁵ в Черемнецкий монастырь, неподалеку от Луги. Критик был знаком с опальным священником и поддержал его письмами, несколькими фельетонами о книгах священника. На что Григорий Петров с благодарностью писал: «Спасибо, дорогой, за прелестную заметку о моих книгах. Это — не критическая статья, а стихотворение в прозе. Не только красиво, как будто даже музыкально написано. И мне после этой газеты даже жаль было скучать. Какой-то был серый листочек на грязноватой бумаге. К таким удачным строкам хотелось бы и бумажку парадную. Но это, конечно, стороненного соображения. За себя же еще и еще раз спасибо. Не дорог подарок, дорога любовь, а писано было, видно, с любовью. Спасибо!»²⁶.

О возвращении Григория Петрова из ссылки Измайлов сделал развернутый репортаж, для чего ему пришлось выехать в Лугу со многими поклонниками опального священника, известными литераторами²⁷. На политические темы Измайлов писал мало, но все-таки не обошел их стороной. Статьи о Г. Петрове написаны

не без политического подтекста, так как священник был еще и депутатом Государственной Думы. В 1907 году Измайлов писал об очередных выборах в Думу²⁸, известны его статьи о Победоносцеве. В целом же в политические вопросы критик старался не вмешиваться, уделяя основное внимание художественной литературе, которую он искренно любил.

Только спустя некоторое время работы в газете в рубрике «Литературное обозрение»²⁹ появляются его первые критические фельетоны. И с этого момента почти регулярно из недели в неделю печатались его статьи, в которых автор без пропусков следил решительно за всеми явлениями художественной литературы и театра³⁰ тех лет.

Первые критические фельетоны Измайлова были посвящены появлению новых произведений беллетристов и мэтров литературы, биографическим сведениям, театральным премьерам, бенефисам, дебютам актеров и т. д. Сложно представить себе какое-либо литературное или театральное событие, хоть немного значимое, на которое не отозвался бы Измайлов. Амфитеатров, Елпатьевский, Левицкая-Пашенко, Чириков, Пружанский, Леонтьев-Щеглов, Фофанов, Вячеслав Иванов, Тэффи, Ремизов, Луговой, Блок, Бальмонт — все эти имена, некоторые из которых сегодня прочно забыты, становились объектом рассмотрения в статьях критика.

В первые годы литературно-критической работы Измайлов отдает предпочтение писателям реалистического направления, с большой любовью пишет о Чехове, Толстом, Лескове — это те кумиры, о которых всю свою жизнь он будет говорить с большим пиететом. Не обходит вниманием критик и писателей-модернистов, однако, первые его статьи о современных веяниях в литературе представляют по сути «буренинщину»³¹, полны гнева и в целом непонимания.

Когда в 1901 году выходит знаменитый сборник «Северные цветы», критик взрывается негодованием в адрес авторов этого альманаха: «Почти весь заполненный декадентскими кривляньями и козлиными прыжками литературных юродивых, сборник производит тяжелое, тошнотворное впечатление, от которого всегда трудно отделаться при виде гримасничанья и кокетничанья взрослых людей, старающихся казаться не тем, что они на самом деле. Получается представление о каком-то нелепом маскараде дурного тона, о людях, балансирующих на ходулях, надевших на свои лица кровожадные маски, воющих дикими голосами дикие слова, в которых нет смысла, и скрипящих зубами в намерении кого-то запугать. Образец полного и удручающего падения искусства, какой-то безгранично разнузданной литера-

турной хлыстовщины, стихотворного и прозаического словоблудия, характерного для нашей переходной эпохи»³².

В начале 1900-х годов намечается два направления литературно-критических работ Измайлова — это статьи, посвященные писателям реалистического направления, и статьи о новых веяниях в литературе.

Сам Измайлов неоднократно декларировал свою независимость от различных школ, политических группировок и направлений, отстаивая право на субъективность оценок при анализе того или иного литературного явления. Из статьи «Сцена и критика»: «Что делать с субъективными мнениями? Насильно не переломишь человека и ничем не обяжешь его думать иначе, чем он думает. Писареву не нравился Пушкин, Зайцеву Лермонтов. Булгарин и Сенковский вышучивали Гоголя. Тургенев, человек изящного вкуса, заявлял, что у Некрасова “поэзия и не ночевала”, что при чтении “Обрыва” его “разбирает зевота”, что в “Войне и мире” самое слабое — психология, а о стихах А. Толстого говорил, что они ему “просто в рот не лезут”, являются риторикой “даже не 30-х, а 20-х годов”. Кому что нравится и о вкусах не спорят»³³. Но все-таки Измайлов во многом ориентировался на объективный подход в своей деятельности и вменял себе в обязанность «не растеряться, не подчиниться ни силе старины, ни выгодам последней моды, без гнева и пристрастия разобраться в явлениях и именах и напомнить основания вечной красоты»³⁴. Этические и эстетические критерии в оценке творчества того или иного писателя — вот те основы, на которых базируются критические принципы Измайлова. Воспитание на классических образцах русской литературы, абсолютное признание чеховского таланта, встреча с Толстым в Ясной Поляне — все это послужило формированию критериев беллетристической и критической деятельности — абсолютном которой были позитивистские установки. Отсюда поначалу скептическое отношение к творчеству писателей-модернистов. Резкие отзывы о творчестве Блока, В. Иванова, Кузмина, Мережковского неоднократно выходили из-под его пера. «Так пишутся Блоками “Балаганчики”, и модернизма ради юродивые режиссеры освещают их светом рампы. Так пишутся “Незнакомки”, где какие-то “Голубые” ждут, пока в их объятия не попадет звезда с неба и не превратится в какую-то мистическую женщину с именем Мария. Так сочиняются рассказы о бесовских раденьях с подробностями, какие не сняты самой отвратительной ведьме после самого отвратительного шабаша»³⁵. Опираясь в своих оценках прежде всего на здравый смысл, критик отрицательно относился ко многим произведениям Вяч. Иванова, А. Белого, также негативно оценивал творчество футуристов, назвав, в частности, В. Маяковского

«оберциником»³⁶. Однако в 1905 году в статье «Литературные заметки. О новом времени и новых песнях» критик заявлял: «Через несколько лет становилось совершенно ясно, о чем пророчествовали эти странности, и то, что они были только уродливыми первыми опытами, как бывают уродливы буквы начинающего писать. И теперь, когда линии установились, за декадентством нельзя отрицать известных и несомненных заслуг»³⁷.

Блестящее знание литературы и абсолютная любовь к ней, искреннее стремление понять автора и нередко такое же полное непонимание, отстаивание своих собственных эстетических взглядов, которые не были вписаны в какие-то литературные группировки — именно так говорили об Измайлове современники. Эти качества вызывали уважение даже у раскритикованных им писателей. Высказывания о некоторых поэтах, примерно такие как следующее — «мы назовем Брюсова настоящим поэтом не за его стихи об “усладе с козую”, а за те, где он наиболее понятен, потому что искренен и прост»³⁸, не мешали состоять с «объектами» резкой критики в дружеских отношениях. Тому же Брюсову, которого Измайлов вспоминал часто недобрым словом, не помешало написать критику следующее: «Скажу честно, что не вспомню я, чтобы кто-нибудь говорил обо мне — в печати — с таким дружеством. Может быть, то, что Вы проходите мимо слабых сторон моей поэзии и меня как человека и есть главный недостаток Ваших статей. Но я могу сказать Вам самое сердечное благодарю»³⁹.

Ежегодно из-под пера Измайлова выходили сотни статей. Помимо сотрудничества в газете начинают появляться статьи и в ведущих столичных журналах. И. Ясинский афористично выразил различие двух главных для русской журналистики видов периодики: «Журнал — пирожное, газета — вот хлеб, вот — обед»⁴⁰. Если газета формирует общественное мнение ежедневно, информируя, агитируя читателей, то журнал на основе созданного газетой общественного мнения вырабатывает жизненную ориентацию, определенное мировоззрение. Измайлов из года в год рос как критик и журналист⁴¹, и он прекрасно чувствовал разницу между материалами газеты и публикациями в журнале. В начале века начинается сотрудничество в столичных журналах, где он обобщает ту информацию, которую в «Биржевых ведомостях» из номера в номер публикует ежегодно.

Плодотворная беллетристическая и критическая работа позволила литератору завязать дружеские отношения со многими. На своей холостяцкой квартире Измайлов организовал литературный кружок — «Измайловы воскресенья», среди участников которого были писатели второго ряда М.Н. Альбов, К.С. Баранцевич, А.Е. Зарин, И.Л. Щеглов (Леонтьев) и др. Кроме этого критик участвовал во многих литературных объединениях нача-

ла века. «Кружок хлопающих себя по колену», основанный во время первой русской революции, «Литературно-художественный кружок имени Я.П. Полонского», «Воскресенья Розанова», «Санкт-Петербургское литературное общество», «Вечера Случевского», «Вторники Ясинского» — во все эти кружки и объединения Измайлов был вхож⁴². Именно здесь литератор познакомился со многими выдающимися авторами того времени. С целой плеядой русских писателей Серебряного века началась переписка, которая продолжалась иногда многие годы, вплоть до самой смерти Измайлова. Амфитеатров, Сологуб, Бальмонт, Брюсов, Андреев, Ремизов, Боборыкин⁴³ входили в число его адресатов.

К 1910-м годам Измайлов становится влиятельной фигурой в литературной критике. Его фельетоны в газетах перерастают в серьезные статьи в многочисленных литературных журналах. Измайлов трансформировал жанр газетного фельетона. Из газетного критика превратился в журнального аналитика; в ряде случаев его статьи оснащаются научным аппаратом и становятся похожими на литературоведческие работы, написанные легким, но в то же время мастерским языком. В сфере его интересов не только близкие ему литераторы реалистического направления, но и писатели-модернисты. Все это выводит критика на новый уровень, новую ступень творчества, свидетельством чему стало издание сборников о писателях-современниках. Переписка со многими писателями того времени, многочисленные встречи с литераторами, позволяют осуществить издание серьезных сборников: «На переломе. Литературные размышления» (1908), «Помрачение божков и новые кумиры»⁴⁴ (1910), «Литературный олимп» (1911), «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (1913), в основу которых легли журнальные и реже газетные статьи критика.

В этих книгах Измайлов проявил себя преимущественно как «уравновешенный и спокойный представитель “золотой середины”», в потоке новаторских литературных исканий постарался укорениться на некоем срединном месте, занять некую компромиссную позицию между старым и новым. В «Пестрых знаменах», в частности, «с одной стороны — он признает громадный талант и заслуги Бальмонта, с другой стороны — осуждает крайности декадентских увлечений последнего, провозглашает Вяч. Иванова большим и настоящим поэтом, а немного далее готов не лестно обозвать того же Вячеслава Иванова — холодным, “косноязычным” и “архизастарелым ритором”...»⁴⁵. Однако двойственность и неясность в оценках исчезает, как только Измайлов обращается к творчеству писателей, близких ему по духу. Его оценки Арцыбашева, Амфитеатрова, Будищева, Чирикова, Вересаева не противоречивы.

Многочисленные рецензии высоко оценивают труды Измайлова, хотя в некоторых приводятся законные замечания. В частности, критику указывали на «многословие и повторения, неизбежные в газетных статьях, из которых составлялись книги» и на «однообразную передачу довольно длинных речей некоторых лиц»⁴⁶. Сам критик прекрасно понимал слабые моменты своих книг, в письме к А.В. Амфитеатрову он, в частности, писал: «Вы нашли ласковые слова для моих бедных “Пестрых Знамен”. Сердечно благодарю. Но кабы Вы знали, как в частности за очерк о Вас я краснею! Все это такое сырое, и даже просмотреть толком и углубить после газеты этого не пришлось, а как хотелось»⁴⁷.

Свои критические статьи и фельетоны Измайлов дополнял меткими пародиями⁴⁸. Его книги «Кривое зеркало» (выдержало до 1915 г. пять изданий) и «Осиновый кол»⁴⁹ (1915) принесли ему необычайную популярность. Они создавались таким же образом, как и его критические сборники, на основе его же многочисленных газетных публикаций. Они составлены не только из пародии на современных критику писателей, но и на классиков XIX века. Сборники состоят как из прозаических текстов, так и стихотворных.

Наибольшей популярностью пользовалось «Кривое зеркало». Здесь в пародиях Измайлов проявил себя как весьма талантливый стихотворец и человек, тонко чувствующий рисунок стиха. Удалось литератору точно уловить интонацию и стиль Зинаиды Гиппиус, Сергея Городецкого, Константина Бальмонта и мн. др. Современники Измайлова подчеркивали, что, в целом, его задача в пародировании современных ему писателей не столь уж сложна, т. к. поэты, избранные им, в большинстве случаев идут очень далеко в экстравагантности своих измышлений. Недаром в вольном подражании Гиппиус поэтесса у Измайлова говорит:

На себя сама строчу
Злейшие пародии...⁵⁰

Много места в сборнике уделено пародиям на «стариков»: Толстому, Чехову, Тургеневу, — вероятно, этим критик хотел продемонстрировать свою независимость. Но в пародиях на писателей-реалистов Измайлов необычайно мягок, в них он не выходит за рамки добродушного юмориста. В пародиях же на модернистов — он резок, саркастичен, срывается иногда до злой насмешки. Таковы, в частности, пародии на Кузмина, которого критик не только в пародиях, но и в своих критических фельетонах часто упрекал в чрезмерном эротизме. В своих циклах «Любовь у старых и новых писателей» и «История русской литературы от Тредиаковского до Кузмина» Измайлов настроен крайне категорично. Пародия на Кузмина в первом цикле заканчивается

словами: «Закат покраснел... от стыда за русскую литературу», а во втором — «Да здравствует же Лесбос и Содом!».

«Кривое зеркало» — это необычайно популярный сборник, пользовавшийся громадным успехом у современников. Не случайно по его заглавию получает свое название остроумный театр миниатюр А.Р. Кугеля и З.В. Холмской. Колоссальный успех сборника обуславливается не только теми громкими именами спародированных писателей, но и жанровым разнообразием. В нем представлены как стихотворные пародии, так и пародийные фельетоны, памфлеты, критические шаржи.

Пародии Измайлова демонстрируют владение различными приемами пародирования и в ряде случаев могут служить и служили образцом этого жанра. Как справедливо отмечает Е.В. Хворостьянова, «оригинальные пародийные приемы Измайлова были довольно быстро освоены другими пародистами, дожили до наших дней, и современная пародия уже не помнит, кому она была обязана своим рождением»⁵¹.

Выход в свет «Кривого зеркала» приносит критику настоящую известность, может быть, даже славу. Но каково отношение самого Измайлова к этому сборнику? В архиве РГАЛИ сохранилось письмо исповедального характера Измайлова к В.В. Розанову, которое, иллюстрирует отношение автора к своему творению:

Дорогой Василий Васильевич!

<...> Посылаю Вам «Кривое зеркало». Если вообще я не делал этого раньше, то только потому, что не мог даже представить себе, чтобы мое могло Вас интересовать. Все мое кажется мне таким слабым, что, не ходя далеко за образцом, весь я в литературе кажусь себе всегда в кривом зеркале.

У меня бывают мысли, я много читаю, весь век учился и учусь теперь, жадно лечу на всех интересных людей, знаю многих, вознесенных судьбою почти в «великие», — и, однако, изо дня в день и из года в год по судьбе своей должен писать, как бы становясь на корточки, под уровень улицы, только мечтая о чем-то порядочном. В душе я все-таки думаю, что я лучше этих своих отражений. Я ненавижу свои книжки уже в день их появления и ужасаюсь их через год. Казалось бы, это подает надежды, что я исправлюсь, но это мало утешает.

Поэтому я не посылаю Вам никогда ничего и всего бы менее хотел, чтобы вы знали «Зеркало». Это чистый продукт газетщины, в душе мною ненавидимый, голое зубоскальство, подчас нагловатое, подчас непристойное (правда, потому что непристойен век). Такой книжке я не мог бы предложить на чтение сестре, младшему брату. Но время такое, что ему этой книжкой я угодил всего более; ни одна не разошлась так хорошо. Ни за одну меня так не похвалили. А я слушал и думал: «ну, и эпоха!»⁵²

После 1910-х годов у Измайлова возникают два крупных замысла — две историко-литературные монографии биографического характера о Чехове и Лескове, которые во многом пишутся критиком для души — это два его любимых писателя, которых он боготворил всю свою жизнь.

Книга «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» (1916) является первым исследованием творчества писателя, которое опирается на многочисленные биографические и историко-литературные сведения. Создание этой книги вполне закономерно, ведь Чехов был кумиром Измайлова. Еще в начале своей работы, из-под пера критика выходят статьи о рассказах, пьесах, и постановках чеховских произведений в театре⁵³. К тому же Измайлов был лично знаком со многими писателями так называемого чеховского круга: с Ясинским, которым был введен в редакцию «Биржевых ведомостей», Леонтьевым-Щегловым, с которыми многие годы состоял в переписке, Потапенко, о котором написал много статей, Баранцевичем и др. Измайлов так же активно участвовал в подготовке и издании первого полного собрания сочинений Чехова. Изучая новые данные, под впечатлением рукописей классика во владении частных лиц личность писателя углублялась, многие ходячие взгляды на Чехова критику удалось пересмотреть, восстановить подлинный образ писателя — реального Чехова, каким он сам запечатлевает себя в своих книгах и письмах. И вся эта увлеченность Чеховым вылилась сначала в ряд крупных статей⁵⁴, а впоследствии и в книгу. И со своей задачей Измайлов справился блестяще. После выхода книга стала весьма популярной среди читающей публики. И Измайлову посыпались письма от современников Чехова и людей, лично знавших писателя, с указаниями на неточности, желательные дополнения. Например, в своем письме Гнедич указывает биографу: «Дорогой Александр Алексеевич — спасибо Вам за книгу о Чехове. Я ее просмотрел бегло, читать буду на будущей неделе. Много очень интересного. Пропуск есть вот какой: в 1893 году Чехов приехал в Петербург, положил основание беллетристическим обедам, что потом существовали лет двенадцать. История этих оснований и сами обеды еще не нашли своего “историка”. В публичной библиотеке есть два альбома этих обедов. <...> Об них сказать стоит. Я как-нибудь возьмусь за это»⁵⁵. Писем с подобными замечаниями сохранились десятки в измайловском архиве.

Возникает замысел переиздания книги. Безусловно, о жизни Чехова лучше, чем его родственники, и, прежде всего, сестра, посвятившая всю свою жизнь брату, не знал никто, поэтому Измайлов отдает печатный экземпляр в семью Чеховых с просьбой внести коррективы. Исправления в первое издание были дейст-

вительно внесены⁵⁶, и биограф подготовил уже все для второго, исправленного издания⁵⁷, однако, политические события, начавшиеся в стране, не позволили воплотить этот замысел в действительность. В современном чеховедении книга Измайлова не пользуется большой популярностью; она как-то затерялась в потоке научной литературы о писателе и даже в биографических работах редко вспоминается имя первого биографа. А между тем эта работа написана тонким знатоком творчества Чехова, афористичным и необычайно проникновенным стилем, который всегда был присущ критику.

После окончания книги о Чехове Измайлов решает осуществить еще один, волновавший его замысел о котором он пишет в письме к Амфитеатрову: «Рад бы был послать Вам только что законченную биографию Чехова. Рад бы был выслушать Ваши поправки, чтобы избежать ошибок (которые и сам отчасти уже вижу) в новом издании. Есть ли надежный путь переслать Вам ее? Книжка вышла большая, — 600 стр.

И сразу сел за новую монографию — «Лесков». Фигура — уника, вся и в солнечных пятнах, и в дьявольских тенях. Просто захватил и повлек. И сию теперь в журналах и газетах 60–70 гг., и с добрыми старухами да старцами, помнящими гневного, лукавого и умного старика»⁵⁸.

Над этой книгой критик работал вплоть до 1921 года, до самой своей смерти. И этот замысел Измайлову довести до логического конца не удалось. Фигура Лескова, безусловно, была близка критику, здесь видится некая дань своим корням и годам, проведенным сначала в семинарии, а после в академии.

В первые годы журналистской деятельности Измайлова чувствуется, как личность Лескова притягивает его. Многочисленные отсылки к произведениям классика, реминисценции, сравнения его творчества с произведениями других писателей — все это является свидетельством усиленного интереса к личности писателя. На протяжении всей критической работы отдельных статей, посвященных Лескову, очень немного, таких, которые составили бы целиком главу будущей книги, практически нет. Возможно, это объясняется тем, что этот труд создавался в крайне беспокойное время, и опубликовать какие-то созданные главы⁵⁹ было весьма затруднительно.

Книга «Лесков и его время» сохранилась в рукописном виде и является подлинным свидетельством и времени, и творческой мысли. Дешевая бумага (некоторые текстовые отрывки писались на оборотах писем, визитках и прочих, бывавших в деле листах), бесконечные вклейки, в некоторых главах обильная правка — в таком виде дошел до нас последний незавершенный, но, в общем, цельный труд. Известно, что критик, предчувствуя, что не сможет

закончить книгу, завещал это сделать Борису Демчинскому, однако его просьба не была выполнена⁶⁰. Эта книга, несмотря на сложный к ней доступ, пользуется большой популярностью среди лесковедов — вся, практически, разобрана на цитаты.

Незадолго до революционных событий 1917 года Измайлов стал редактором «Петроградского листка». После Октябрьской революции, когда в Петрограде, еще совсем недавно центре русской журналистики, начали закрываться даже самые прочные и богатые периодические издания, «Листок» был чуть ли не единственным уцелевшим изданием, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях Амфитеатров: «В Петрограде <...> влачила тогда жалкое существование уже только одна-единственная газета — последняя, с призрачным самообманом все-таки как будто “независимого издания”».

И какая это была газета! “Петроградский листок”, еще в 1917 году любимый уличный орган дворников, швейцаров, извозчиков, мелких лавочников и тому подобного темного люда»⁶¹.

Измайлов задумал реформирование «Листка», и рассылает известным литераторам письма с просьбами о помощи в задуманной им реорганизации. Письмо драматурга С.А. Шиманского является подлинным свидетельством времени, иллюстрирующим настрой Измайлова-редактора на преобразования «Листка» из уличной газеты в солидный орган печати:

Дорогой Александр Алексеевич,

Ваш крик о помощи, конечно, преувеличен. Вы сами — сила. А «Петроградский листок» это тот чернозем, из которого при Вашем таланте и опыте можно создать второе «Русское слово».

В *последовательности*, о которой пишете Вы, ясно видно Ваше понимание задачи. Ваше чутье подсказало Вам, что резко изменять привычки читателя нельзя. Реформа газеты равносильна реформе государственного строя, и здесь надо быть мудрецом.

Разумеется, я Вам плохая подмога, но что я в силах буду сделать в смысле присылки подходящего материала — я сделаю все. Не сердитесь, если иногда буду присылать неудачные вещи. Я неопытный газетный работник, да вдобавок ищу себя в драматургии. Но, вероятно, мне посчастливится дать Вам ряд небольших рассказиков-фельетонов. Одним словом, работать я с Вами рад. Где Вы — там и я. И дай Бог, чтобы в П<етроградском> л<истке> образовалось то же созвездие, какое Вы сумели создать в «Б<иржевых> в<едомостях>» и где засверкала и моя маленькая звездочка.

<...> Ну, дорогой Александр Алексеевич, поздравляю Вас с важным чином Главного редактора. Не забывайте нас грешных,

ибо перед Богом все мы равны, и одинаково будем гореть в огне на том свете. И если я буду Лазарем, я дам Вам «каплю воды».

Сердечно желаю Вам всякого, всякого успеха и глубоко верю в этот успех. Будем работать»⁶².

За короткое время своего редакторства Измайлову удалось превратить «уличный, шантажный листок <...> в живой, интересный и опрятный по направлению литературный орган»⁶³. И вскоре, через два месяца после приведенного нами выше письма Шиманский напишет Измайлову: «Теперь о Вашей газете. Поздравляю! Вы на верном пути. Материал интересен. <...> Разнообразие удивительное. Я предсказываю успех, и, вероятно, с зимы буду Вашим *полезнейшим* спутником. Дайте только напишу серьезную пьесу.

Я боялся истории с Московским листком, который сгублен реформами. Но разница в том, что Ваши реформы талантливы и умны, а реформы Московского листка были убийственно бездарны. У Вас светлый ум, и я верю в вашу газету. Я Вам аплодирую за нее!»⁶⁴.

Преобразование газеты, удачные реформы возможны были во многом из-за сложившейся в стране ситуации: литераторам печататься было негде и они все стекались громадным потоком в это издание. Об этом свидетельствует в своей статье «Дом литераторов в Петрограде 1919–1921» Амфитеатров: «И подобно зверям, бегущим от наводнения, собрались и столпились на нем всевозможные живые обломки распущенных редакций, исчезнувших изданий. Во главе газеты стал видный литератор, популярный и заслуженный критик А.А. Измайлов. В газете начали появляться статьи Ф.К. Сологуба, Д.С. Мережковского, Вас.Ив. Немировича-Данченко, А.И. Куприна, П.П. Гнедича, В.Ф. Боцяновского, мои, модных поэтов, профессоров университета, публицистов из закрытых больших газет — “Речи”, “Дня”. Понятно, что орган изменил свою физиономию и направление. Из монархического он превратился в либерально-демократический, даже с оттенком утопического социализма, впрочем, весьма бледно-розового. Антикоммунистический дух скорее чувствовался, чем сказывался; скорее подозревался, чем выявлялся. Потому что радикал наш милейший А.А. Измайлов ненавидел большевиков до кровосмешения, но напуган ими был до паники и чуть ли не падал в обморок при каждом слове, уязвляющем торжествующих олигархов лжекоммуны прямо и открыто»⁶⁵.

При редактировании «Петроградского листка» перед Измайловым стояла задача — как можно дольше сохранить газету. Добиться этой цели он попытался, «олитературив» газету, пригласив в нее ведущих литераторов того времени, однако все эти начинания не привели к желаемому результату.

Из литературных воспоминаний Амфитеатрова:

«Дважды в своем русском опыте наблюдал я это странное явление, что иная бойкая газетная лавочка начинает хуже торговать от улучшения своего товара. Во второй раз — совсем недавно (в 1918 году), когда покойный А.А. Измайлов, воспользовавшись последовательным убиением большевиками петроградских газет и журналов, вздумал олитературить единственно еще уцелевший “Петроградский листок”. Писателей собралось — что зверей на высоком острове при потопе. А тираж газеты, чем больше подниматься, стал падать изо дня в день, с оскорбительной быстротой. Измайловские новшества оказались “не по публике”. Старый серый читатель заскучал и отвалился, а ожидаемый новый, интеллигент, не поверил исстари компрометированной фирме и не шел под ее вывеску, хотя она обещала и давала самые замечательные имена»⁶⁶.

1919–1920-е годы были самыми тяжелыми в жизни Измайлова. В это время он существовал на случайные заработки, которые получал от чтения лекций в кинематографах перед сеансами, писал статьи (опубликовать удалось лишь немногие), сотрудничал в журнале «Вестник литературы», продолжал писать книгу о Лескове. Критик с ужасом смотрел на то, что происходит в литературном мире, рушилось на глазах все то, чем он жил, чему посвятил всю свою жизнь. В одной из последних своих статей он пишет: «В великолепной книжной сокровищнице С.А. Венгерова, на длинном столе увидел я последние, — от сентября прошлого года — книжки “Рус<ского> богатства”, “Рус<ской> мысли”, “Вестника Европы”, — и чуть не заплакал. Кладбище! <...> Мертвецы с вытянутыми лицами... Прошел лишь год, — “и что же осталось от светлых, гордых сих мужей!”... Была русская литература, и нет ее. Возникнет, воскреснет, не может умереть, — но увидите ли вы, увижу ли я день ее воскресения?»⁶⁷. Один из посетителей Измайлова в последние годы его жизни описывает плачевное и унижительное положение литератора: «Последний раз я был у него за месяц до смерти. Он чувствовал себя плохо, сидел дома, в черном, так странно на нем сидевшем френче, в валенках и старом-старом пальто. Он даже не мог сидеть и лежал одетый, на кровати. И как-то особенно долго и много жаловался на трудную и тяжелую жизнь»⁶⁸.

Умер критик 16 марта 1921, похоронен на Смоленском кладбище. «На похоронах присутствовали: Федор Сологуб, Иероним Ясинский и профессор Сперанский. Гроб был опущен в полном молчании: Александр Алексеевич завещал на могиле ничего не говорить»⁶⁹.

Несмотря на то, что Измайлов был человеком верующим, он отказался от духовной карьеры, впрочем, об этом никогда не жа-

дел. Из письма Измайлова Алексея Алексеевича к Кугелю Александру Рафаиловичу: «Брат никогда не жалел, что заделался литератором. Но может быть профессорская кафедра или даже ученая келья уж не так чужды были психике брата. Недаром он иногда в шутку, но как бы с удовольствием примерял на себе клобук и панагию посещавшего мой дом знаконца — архиерея»⁷⁰.

Зубоскал, блестящий критик, «король пародистов», он был человеком искренне влюбленным в литературу, радовался появлению каждого нового имени, жадно следил за всем происходящим в литературном мире и рыдал, когда увидел, что стало с русской литературой после революции. Измайлов прожил короткую жизнь, он не дожил немного до 48 лет. Но при этом оставил после себя значительное литературное наследство. В советское время его имя было прочно забыто. Человек, «любивший погибшую династию»⁷¹, писавший о Победоносцеве⁷², «К.Р.»⁷³, о тех писателях, которые оказались впоследствии в эмиграции, вероятно, был не самой востребованной фигурой в литературоведении. Уже в 30-м году его творчество подверглось негативным оценкам: «Александр Алексеевич Измайлов. <...> Наибольшую популярность И. приобрел как автор талантливых пародий на современных ему писателей, поэтов и критиков (Блок, Бальмонт, Мережковский и Горький), на литературные нравы, события и пр. Хорошо сделанные формально, пародии И. не имеют однако серьезного социального значения. В качестве критика-публициста И. работал в буржуазных газетах (“Биржевые ведомости”, “Русское слово”). Характер литературно-критических работ И. импрессионистичен и идеалистичен. Как поэт и беллетрист И. серьезного интереса не представляет, несмотря на обильную продукцию»⁷⁴.

В последнее время имя Измайлова все чаще вспоминается в статьях о Чехове, Лескове, вспоминается он и как участник литературного процесса. Две его книги «Чехов» и «Кривое зеркало» переизданы и доступны современному читателю.

Предчувствуя близившуюся кончину, Измайлов приготовил на могильный крест доску с надписью: «Я жил, я мыслил, я прошел как дым»⁷⁵. Думается, что здесь литератор несколько поторопился, его творчество не осталось незамеченным. Прозаическое творчество Измайлова не поднимается выше уровня писателей второго или даже третьего ряда. Однако его критическое наследие (а также пародии) хотя и не известны широкому читателю, но все же имеют большую ценность, и постепенно вливаются в область малоисследованных, интересных для современного литературоведения вопросов.

- ¹ *Кауфман А.* Памяти А.А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 12.
- ² Автобиография А.А. Измайлова (3 декабря 1904 г.) // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 1634. Л. 8–9 (Собр. С.А. Венгерова).
- ³ Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф.Ф. Фидлер. М., 1911. С. 33.
- ⁴ Автобиография А.А. Измайлова. Л. 12.
- ⁵ *Измайлов А.А.* В недавней бурсе // Биржевые ведомости. 1909. Веч. вып. №11332, 26 сентября. С. 3.
- ⁶ См.: Автобиография А.А. Измайлова. Л. 13.
- ⁷ *Измайлов А.А.* Жрецы богословия. (К столетию Петербургской духовной академии) // Биржевые ведомости. Утр. вып. № 11471, 17 декабря. С. 6.
- ⁸ Там же. С. 6.
- ⁹ См.: Автобиография А.А. Измайлова. Л. 13–14.
- ¹⁰ В составе архивных собраний, где находятся дела Измайлова, этот дневник нами не обнаружен, по-видимому, он был уничтожен.
- ¹¹ Письмо А.А. Измайлова к А.Р. Кугелю от 1 июня 1921 г. // РО ИРЛИ. Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 97.
- ¹² После окончания Академии Измайлов полтора года работал преподавателем русского языка в Александро-Невском духовном училище.
- ¹³ *Александр Смоленский.* Детство Кузьки (Первые страницы из книги жизни Кузьмы Популяндова) // Звезда. 1905. № 21. С. 491; № 22. С. 520; № 23. С. 544; № 24. С. 567. В некоторых статьях иногда указывается, что первым литературным опытом Измайлова является рассказ «Дамоклов меч». Действительно, этот рассказ появился в печати в 1895 году. Но «Дамоклов меч» появляется в «Живописном обозрении» в ноябре 1895, тогда как «Детство Кузьки» в июле 1895 года. К тому же в РГАЛИ сохранился альбом Измайлова «Записки современника», в конце которого перечислены основные произведения и первым значится рассказ «Детство Кузьки» (РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 3). Вероятно, путаница возникла из-за книги, составленной Фидлером (Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей), которая пестрит ошибками и неточностями и где, в частности, напечатано: «Если не считать мелочи, первый рассказ принял А.К. Шеллер (“Дамоклов меч”) в “Живописное обозрение”. Первый рассказ “Детство Кузьки” напечатал А.Е. Зарин в “Звезде” в 1905». Из этих строк становится совершенно непонятно, какой же рассказ был первым, к тому же неверно указан год (1905 вместо 1895).
- ¹⁴ *Измайлов А.А.* Черный ворон. СПб., 1901 (второе изд. 1903. 382 с.); *Измайлов А.А.* Рыбье слово. СПб., 1903. 300 с.; *Измайлов А.А.* В бурсе. СПб., 1903. 300 с.; *Измайлов А.А.* Осени мертвой цветы запоздалые. СПб., 1905. 304 с.
- ¹⁵ *Б-и.* Библиография А.А. Измайлов. Черный ворон. СПб. 1901. // БВ. № 60, 3 марта. С. 3; *Великорецкий В.* Быт сельского духовенства по рассказам Измайлова // Воскресный день. 1901. № 1. С. 9–10; № 2. С. 22–23; *Б.* Измайлов. Рыбье слово. Повести и рассказы. СПб. 1903 // Звезда. 1903, 5-е марта. № 19. С. 324–325; *С. В. А.А.* Измайлов. В бурсе (Бытовая хроника). СПб. 1903 // Литературный вестник. 1903. Т. 6. Кн. 6. С. 148–150 и др.

- ¹⁶ *К<упр>ин А.И. А.А. Измайлов (Смоленский). В бурсе. СПб. 1903. Измайлов А.А. Рыбье слово. Повести и рассказы. СПб. 1903 // Мир божий. 1903. № 7. Отд. 3. Июль. С. 78.*
- ¹⁷ *Л.Е. А. Измайлов. В бурсе. Третья книжка рассказов. СПб. 1903 // Новый путь. 1903. № 7. Июль С. 230–232.*
- ¹⁸ Андрей Скорбный, навещавший Измайлова в последние годы его жизни, вспоминает: «После смерти его осталась приготовленная книга к печати, где собраны его последние рассказы...» (Андрей Скорбный [В.В. Смирнский]. Александр Алексеевич Измайлов. Пг., 1922. С. 20).
- ¹⁹ В 1907 он публикует свою пьесу «Обреченные», и в этом же году она ставится в театре Литературно-Художественного общества. Постановка этой пьесы сопровождалась большим резонансом в столичной прессе. Измайлов напишет еще одну пьесу в 1916 — «Мертвые властвуют (Тени)».
- ²⁰ В 1909 году в кабаре театрального клуба «Кривое зеркало» шла пьеска Измайлова «Аукцион у Аполлона», «сатирический фельетон, в котором осмеивается всякая залежь и новая модернистская галантерея» (Театр и искусство. 1909. № 3. С. 48).
- ²¹ Автобиография А.А. Измайлова. Л. 7.
- ²² *Измайлов А.А. Врач и народ // Биржевые ведомости. 1898. № 44. 14 (26) февраля. С. 1; Одна из обязанностей школы // Биржевые ведомости. 1898. № 215. 8 (20) августа. С. 2–3 и др.*
- ²³ *Измайлов А.А. Что думают и делают в провинции. Еще «безвредные щенки» // Биржевые ведомости. 1898. № 194, 18 июля. С. 3; Измайлов А.А. Что думают и делают в провинции. Бог не выдаст, — свинья не съест // Биржевые ведомости. 1898. № 204, 28 июля (9 августа). С. 3; Измайлов А.А. Что думают и делают в провинции. Семейные нравы и просвещение в потемках // Биржевые ведомости. 1898. № 231, 25 августа (6 сентября). С. 3.*
- ²⁴ *Измайлов А.А. Саровское торжество // Биржевые ведомости. 1903. Утр. вып. № 348, 16 июля. С. 2; Утр. вып. № 354, 19 июля. С. 2; Утр. вып. № 356, 20 июля. С. 3; Утр. вып. № 359, 22 июля. С. 2.*
- ²⁵ Дело Григория Петрова // Биржевые ведомости. 1907. Утр. вып. № 9691, 12 января. С. 1.
- ²⁶ Письмо Григория Петрова от 26 апреля 1907 к А.А. Измайлову // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 12 об.
- ²⁷ *Измайлов А.А. С опальным депутатом. (Возвращение о. Г. Петрова из Черемнецкого монастыря) // Биржевые ведомости. 1907. Утр. вып. № 9897, 16 мая. С. 3.*
- ²⁸ *Измайлов А.А. Маленький фельетон. Перед выборами // Биржевые ведомости. 1907. Утр. вып. № 10126, 30 сентября. С. 3.*
- ²⁹ Литературно-критическая рубрика в газете «Биржевые ведомости» из года в год претерпевала изменения. В 1898 — это весьма объемный критический фельетон с названием «Литературное обозрение». С 1901 — «Литературные заметки». С 1902 года — рубрика именуется кратко — «Литература». В 1903 — «Литературные мелочи». В 1906 — крупные критические статьи называются «Литературный календарь», статьи меньшего объема — «Литературные мелочишки». В 1909 часто под псевдонимом Аякс статьи Измайлова выходят в рубрике «В литературном мире», некоторые статьи литературно-критического характера выхо-

- дят без рубрикации. А с 1915 — «Тайны и парадоксы». По сути Измайлов вводил в журналистике новые жанры.
- ³⁰ Подробнее об Измайлове как театральной критике см.: Очерки истории русской театральной критики. Конец XIX — начало XX в. Л., 1979. С. 106–117.
- ³¹ Отметим, что Измайлов был прекрасно знаком с В.П. Бурениным. Неоднократно критик обсуждал с ним отдельные главы своей задуманной книги о Лескове. В этой книге Измайлов недоумевал как Буренин так скверно мог отзываться о произведениях Лескова, в частности «Соборьянах». В написанной, но не опубликованной книге «Лесков и его время» сохранилось много страниц таких недоумений в адрес Буренина в частности такие: «В своем политиканском задоре Буренин или подлинно не понял значения “Соборьян”, или сознательно, но боясь ответственности перед будущей литературой, предпочел не заметить ничего доброго в идущем из Назарета» (См.: *Измайлов А.А. Лесков и его время* // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 1. № 5 (6). Глава IV. «Соборьяне». Л. 29–30). Неоднократно Измайлов указывает Буренину в своей монографии на непонимание творчества Лескова.
- ³² *Измайлов А.А. Литературные заметки* // Биржевые ведомости. 1901. № 140, 26 мая. С. 2.
- ³³ *Измайлов А.А. Сцена и критика* // Биржевые ведомости. 1903. Утр. вып. № 296, 12 августа. С. 2.
- ³⁴ *Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры*. М., 1910. С. IV.
- ³⁵ *Измайлов А.А. На переломе (Литературные размышления)* // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 50.
- ³⁶ *Измайлов А.А. Темы и парадоксы* // Биржевые ведомости. 1915. Утр. вып. № 14879, 2 июня. С. 2.
- ³⁷ *Измайлов А.А. Литературные заметки. О новом времени и новых песнях* // Биржевые ведомости. 1905. Утр. вып. № 8764, 8 апреля. С. 2.
- ³⁸ *Измайлов А.А. На переломе (Литературные размышления)* // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 50.
- ³⁹ *Брюсов В.Я. Письма к А.А. Измайлову* / Публ. *Литвин Э.С.* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978. Л., 1980. С. 238.
- ⁴⁰ *Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний*. М.; Л., 1926. С. 292.
- ⁴¹ Отметим, что редакторы газет требовали от фельетонистов работ определенного содержания. В частности в письме к Амфитеатрову Измайлов пишет: «Увы, по желанию издателя Бирж<евых> в<едомостей> я чаще осведомляю теперь читателя хрестоматийно, с помощью щедрых отрывков, чем стараюсь действительно критически оценивать вещь» (Письмо А.А. Измайлова к А.В. Амфитеатрову <без даты> — архив А.В. Амфитеатрова в США, г. Блумингтон. Indiana University. Lilly Library. Manuscripts Department. Amfiteatrov mss.). Безусловно, литератора, который почувствовал свою силу, такие требования ограничивали. И Измайлов искал новые возможности для реализации собственного таланта и находил их, в частности, в сотрудничестве в различных столичных журналах.
- ⁴² Подробнее о посещении Измайловым литературных кружков см. в книге: Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004.

- ⁴³ Переписка Измайлова с литераторами начала XX века отражена в многочисленных публикациях и собраниях сочинений. Большинство писем хранятся в рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 115), РНБ (ф. 809), РГАЛИ (ф. 227). И лишь немного опубликовано. См.: Федор Сологуб и Ан.Н. Чеботаревская. Переписка с А.А. Измайловым / Публикация М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 194–293; Брюсов В.Я. Письма к А.А. Измайлову / Публикация Э.С. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978. Л. 1980. и др.
- ⁴⁴ «Помрачение божков», наиболее популярная из этих монографий Измайлова. Сам критик, вероятно, тоже больше любил именно своих «Божков». Эта книга была им переработана в лекцию, с которой он выступал и в Москве (в Литературно-художественном кружке), и в Петербурге (в Театральном клубе, Зале гражданских инженеров и др. местах). (См.: <Без заглавия> // Биржевые ведомости. 1909. Веч. вып. № 11055, 14 апр. С. 5; В литературном мире // Биржевые ведомости. 1909. Веч. вып. № 10962, 16 февраля. С. 5).
- ⁴⁵ Ронин А. А. Измайлов. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М. 1913 // Новый журнал для всех. 1913. № 4. С. 178.
- ⁴⁶ Ветринский Г.А. Измайлов. Литературный олимп. М. 1911 // Вестник Европы. 1911. № 9. С. 396–397.
- ⁴⁷ Письмо А.А. Измайлова к А.В. Амфитеатрову <без даты> — архив А.В. Амфитеатрова в США, г. Блумингтон. Indiana University. Lilly Library. Manuscripts Department. Amfiteatrov mss.
- ⁴⁸ Подробнее о Измайлове-пародисте см.: Новиков В.И. Книга о пародии. М., 1989. С. 410–416; Хворостьянова Е.В. Забытый смех // Измайлов А.А. Кривое зеркало. СПб., 2002. С. 5–25.
- ⁴⁹ Этот сборник был подвергнут резкой критике. Дело в том, что в «Осиновом коле» критик пародийно высмеивал немцев, называя их трусами, лгунами, ворами и т. д. На это Измайлову было указано, что «немцев надо бить на фронте <...>, а обзывать их в баснях трусами, лгунами и ворами — легко и дешево» (Горнфельд А.Г. А. Измайлов. Осиновый кол. Книга пародий и шаржа. Пг., 1915 // Русские записки. 1915. № 12. С. 336).
- ⁵⁰ Измайлов А.А. Кривое зеркало. СПб., 2002. С. 46.
- ⁵¹ Хворостьянова Е.В. Забытый смех // Измайлов А.А. Кривое зеркало. СПб., 2002. С. 24.
- ⁵² Письмо А. Измайлова В. Розанову от 25 августа 1911 года // РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 143–146.
- ⁵³ Измайлов А.А. Литературное обозрение // Биржевые ведомости. 1898. № 234. 28 августа (9 сентября). С. 2 (О рассказах Чехова «Крыжовник» и «О любви»); Измайлов А.А. Литература. Новый рассказ Чехова // Биржевые ведомости. 1902. № 129. С. 2; Смоленский А. Александринский театр. «Чайка» А.П. Чехова (15 ноября). Биржевые ведомости. 1902. № 313, 16 ноября. С. 5 и т. д.
- ⁵⁴ Измайлов А.А. Вера или неверие // Литературное приложение к «Ниве». 1910. № 6. С. 241–260; № 7. С. 405–430; Измайлов А.А. Развенчанный Чехов // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. № 11258, 13 августа. С. 4–5 и др.
- ⁵⁵ Письмо П.П. Гнедича к А.А. Измайлову 2 октября. <1915> // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 90. Л. 46.

- ⁵⁶ «Чехов» (Жизнь-творчество-личность). Печатный экземпляр книги с примечаниями Марии Павловны, Михаила Павловича, Ивана Павловича Чеховых и А.А. Измайлова // РО ИРЛИ. Фонд 115. Оп. 1. Ед. хр. 7.
- ⁵⁷ «Чехов-жизнь-личность-творчество». Печатный экземпляр, исправленный для второго издания рукою автора. 1918 год // РО ИРЛИ. Фонд 115. Оп. 1. Ед. хр. 8.
- ⁵⁸ Письмо А.А. Измайлова к А.В. Амфитеатрову. Петроград 30 ноября 1915 — архив А.В. Амфитеатрова в США, г. Блумингтон. Indiana University. Lilly Library. Manuscripts Department. Amfiteatrov mss.
- ⁵⁹ Из работ Измайлова, вошедших в книгу о Лескове, можно отметить лишь одну: *Измайлов А.А.* Вместо предисловия (На основании переписки Н.С. Лескова с Елизаветой М. Бем) // Невский альманах. Вып. 2. «Из прошлого». Петроград. 1917. С. 138–144. Остальные статьи имеют реферативный характер и представляют собой обзоры работ критиков, писавших о Лескове.
- ⁶⁰ Доказательство этого находим в книжке Андрея Скорбного, посвященной памяти критика: «После смерти его осталось приготовленная книга к печати, где собраны его последние рассказы, и немного незаконченный огромный труд о Н.С. Лескове. Этот труд Александр Алексеевич завещал закончить Бор<ису> Демчинскому» (Указ. соч. С. 20–21).
- ⁶¹ *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 2. С. 210.
- ⁶² Письмо С.А. Шиманского к А.А. Измайлову 24 апреля 1916 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 372. Л. 72–73.
- ⁶³ *Кауфман А.* Памяти Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 13.
- ⁶⁴ Письмо С.А. Шиманского к А.А. Измайлову 2 июня 1916 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 372. Л. 79–79 об.
- ⁶⁵ *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 210–211.
- ⁶⁶ *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 1. С. 290.
- ⁶⁷ Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 1–2. С. 7.
- ⁶⁸ *Андрей Скорбный [В.В. Смиренский].* Александр Алексеевич Измайлов. Пг., 1922. С. 17–18.
- ⁶⁹ *Андрей Скорбный.* Указ. соч. С. 20.
- ⁷⁰ Письмо А.А. Измайлова к А.Р. Кугелю от 1 июня 1921 г. // РО ИРЛИ. Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 97.
- ⁷¹ *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 3. С. 306.
- ⁷² *Аякс.* Победоносцев. (Ко второй годовщине смерти) // Биржевые ведомости. 1909. Веч. вып. № 11002, 11 марта. С. 4–5.
- ⁷³ *Измайлов А.А.* Памяти К.Р. // Биржевые ведомости. 1915. Утр. вып. №. 14883, 4 июня. С. 2.
- ⁷⁴ *Измайлов А.А.* // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 4. М., 1930. Стб. 436–437.
- ⁷⁵ *Андрей Скорбный.* Указ. соч. С. 16.